

Ирина Григорьева

**Северное сияние
ЖЕНЩИНЫ**

Ирина Григорьева

Северное сияние женщины

«Издательские решения»

Григорьева И.

Северное сияние женщины / И. Григорьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902753-5

Говорят, у каждой медали есть обратная сторона. У смелости — трусость, у трусости — храбрость... Олеся и Настя — разные, они — как день и ночь. Две молодые женщины живут на острове, оторванном от «Большой земли», и ничего не знают друг о друге. Но судьба сводит их вместе, чтобы они смогли разобраться со своими страхами. Ложь и измена, обида и безнадёжность, вера и одиночество — всё смешалось в один толстый клубок... Так кто же распустит его первым?

ISBN 978-5-44-902753-5

© Григорьева И.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
1	7
2	10
3	12
4	14
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Северное сияние женщины

Ирина Григорьева

Корректор Николай Стрыжаков

© Ирина Григорьева, 2018

ISBN 978-5-4490-2753-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Говорят, у каждой медали есть обратная сторона. У смелости – трусость, у трусости – храбрость...

Олеся и Настя – разные, они – как день и ночь. Две молодые женщины живут на острове, оторванном от «Большой земли», и ничего не знают друг о друге. Но судьба сводит их вместе, чтобы они смогли разобраться со своими страхами.

Ложь и измена, обида и безнадежность, вера и одиночество – всё смешалось в один толстый клубок...

Так кто же распутит его первым?

Та, что ДОЛЖНА светить на небе, как самое удивительное чудо Западной Сибири – Северное сияние?

Или та, которая УЖЕ светит?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Голова с глухим стуком ударилась об стену, как раз аккуратно затылком, и перед глазами запрыгали звёздочки.

Настя судорожно сглотнула. Она где-то читала, что звёздочки – это нейроны головного мозга, вспыхивающие в черепушке при ударе. Или импульсы? Или белые кровяные тельца? Или все сразу. И сейчас зачем-то вспомнила об этом.

Настино тело резко подхватили и куда-то потащили, как использованную тряпичную куклу. Она вся подрагивала, подпрыгивала, икра левой ноги больно стукнулась обо что-то твёрдое. Глаза девушки всё ещё были зажмурены.

Вот её бросили и ещё разок пнули в живот. Не так сильно, как до этого, но чувствительно.

«На прошлой неделе в гостях у мамы я тоже пнула кота. Интересно, что он почувствовал? Разозлился. Царапнул потом...», – пришла мысль.

– Сколько раз предупреждал, будешь так себя вести – вообще убью.

В нос резко ударил запах перегара.

«Видимо, нагнул, осматривает моё лицо...», – подумала Настя и ещё сильнее зажмурилась.

Проспиртованное дыхание стало удаляться.

Тело передёрнуло, отчего Настю охватил страх: она слишком хорошо знала, что любое движение сейчас может вызвать у мужа новый приступ ярости, а значит, надо собрать волю в кулак и не дрожать.

Он успокоится. Обязательно успокоится. Так ведь было не раз...

Дмитрий прошёл к бару, открыл его, зачем-то включил подсветку, хотя в комнате и так было светло как днём – ещё одна причина бегства врачей, не все могли привыкнуть к белым северным ночам – достал початую бутылку виски, наполнил до половины пузатый стакан и залпом опрокинул в себя. Смачно отрыгнул и, пошатываясь, пошёл к дивану.

Настя всё ещё лежала на полу, пока муж утолял жажду спиртным, она успела перевернуться так, чтобы тело немного расслабилось, и теперь её лицо спряталось в ворсинках дорогого ковра.

– Настя, я тебя по-человечески просил. Много раз просил. Умолял даже, – мужчина развалился на диване и подкуривал сигарету. – А ты не понимаешь, не хочешь понять, что при моих друзьях так вести себя нельзя.

Настя упорно молчала, стараясь дышать через раз. Её мозг опять заболтал, транслируя в эфир беспорядочные мысли: «Завтра, когда поеду на работу, зайду в магазин и куплю новые колготки. Эти порвались. Да и не понравились они мне, совсем бёдра не утягивают, как обещали в рекламе. А можно поехать на «Большую землю, и записаться к пластическому хирургу, чтобы жир откачать. Тогда и колготки не нужны будут. А может, снова начать бегать по утрам? Но сейчас комары и мошки на улице хозяйничают. Нет, лучше к хирургу...».

Пока Настя слушала эту внутреннюю болтовню, Дмитрий уже подsunул под голову подушку и, борясь со сном, втягивал в себя очередную порцию никотина. Последний бокал виски, упавший на солидную дозу выпитого чуть раньше, окончательно разморил его. Кроме того, он только что выплеснул всё накопившееся за неделю дерьмо на жену, а это покруче любого секса будет. Что-что, а кулаками молотить он любил, да и ногами тоже.

Только на его работе физическая нагрузка отсутствовала напрочь. Он даже от общегородских забегов и дней здоровья в ЛПУ уклонялся. Помогло приятельство с одной молодень-

кой докторшей. За какие-то заслуги она состряпала ему справку, что то ли аритмия его мучает, то ли тахикардия... В общем итоге он к своей огромной удовлетворённости оказался в рядах организаторов и пассивных болельщиков.

Не потушив сигареты, Дима окончательно провалился в забытьё. Его рука медленно соскользнула с груди вниз, и окурок упал на ковёр, который тут же занялся тлеющими искорками. Струйка дыма поползла вверх, достигла Настиного носа, и обонятельные рецепторы женщины послали сигнал в мозг, который тут же перестал болтать и сосредоточился на запахе жжённого.

Настя осторожно подняла голову, отчасти из-за боли, которая локализовалась в затылке, отчасти, боясь потревожить усмирившегося мужа. К этому моменту супруг уже громко храпел, и, осмелев, она полностью выпрямилась уже в сидячем положении. Потерев заднюю часть шеи тыльной стороной ладони, она потянулась и подняла успевшую истлеть сигарету. С силой несколько раз ткнула ею в ковёр, дабы добить виновницу дыма, и брезгливо бросила бычок прямо на спящего мужа. Сейчас она полностью успокоилась: раз Дима стал издавать эти страшные хрюпающие звуки – значит, уснул глубоко, и как минимум до утра у неё есть время побыть одной.

Она с трудом поднялась на ноги и подошла к бару, тоже налила себе виски, отпила глоток, достала из пачки сигарету и закурила.

– Чёртовы белые ночи! – выругалась она, одновременно выпуская облако сизого дыма. – Как хочется темноты. Кромешной темноты.

Постояв ещё несколько секунд и смотря в окно на спящий прозрачный город, она подхватила бокал тонкими пальцами с изящным маникюром и пошла прочь из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Мозг заговорил с удвоенной силой.

Настя не хотела разбираться в своём поведении. Думает что-то и пусть думает. Она бы, конечно, могла обратиться к психологу, и тот долго бы рассказывал ей про отрицание – психологическую защиту, срабатывающую в травмирующих ситуациях – и объяснил бы, что таким способом она уходила от боли и страха.

За годы побоев она неосознанно выработала свой собственный способ спасения и в моменты ударов переключала внимание своего серого вещества на какие-нибудь глупости, каждый раз потом удивляясь, почему они лезут ей в голову.

Но в их небольшом автономном городке Б., на Крайнем Севере, ни о каких психологах слухом не слыхивали, здесь даже психиатр в районной поликлинике и тот был в диковинку. Приезжали молодые врачи, прельщённые бесплатным жильём и перспективой работы северного стажа, но, не выдержав суровых зим и лет – кстати, присутствие последнего можно было определить только по календарю и ненасытной мошкаре – сбегали восвояси. И вакансия вновь становилась открытой.

Правда, пара психологов всё-таки имелась – детских. Кто-то из числа бывших специалистов по социальной работе. Занимались они в основном бумагами и на приём брали неохотно, в основном – по распоряжению опеки. Поэтому чаще их боялись.

Да и не принято у северян сор из избы выносить. И без ненужных душеизлияний все знали, кто с кем спит и чем дышит. Отрезанные по девять месяцев от «Большой земли» люди развлекали себя походом в единственный ДК-трансформер, который днём был и библиотекой, и концертным залом, и местом встречи районных депутатов, а ночью – клубом, где разгорячённые выпитым посетители выплёскивали всё, что накопилось. Кого там только не было: менты, кабинетные служащие, юристы, газовики, бизнесмены местного разлива и просто безработные студенты. В общем, повод посплетничать был всегда.

Настя заведение посещала редко, но, как говорится, метко. После кутежа ей всегда доставалось от мужа. И она с замиранием сердца ждала очередного выхода в свет, а потом ждала, когда исчезнут синяки.

Дима садистом был дотошным, лишних метин на теле не оставлял – за репутацию беспокоился. Да и жена молчала, никому не жаловалась, и он распаялся, правда, с годами и это приелось. Он уже и сам не знал, чего на самом деле хотел.

2

Сегодня Леся не напевала песню. А ведь без музыки у неё руки на работу не поднимались. Два притопа, два прихлопа, два куплета и – уже полдома убрала. А потом на огород – полоть грядки надо, заросли больно.

Ох, уж эти сорняки, придумал бы кто микстуру какую, чтобы полил, и раз – урожай колосится, а земелька вокруг чистая, водичкой пропитанная. Красота...

Несмотря на то, что о жирном чернозёме в «крайнесеверных краях» только мечтать могли, сажали здесь много и с удовольствием. Не то, чтобы дефицит в свежих овощах испытывали – хотя и такое в посёлках в дни распутицы случалось – просто домашние помидорчики-огурчики, выращенные практически в песке и чуть ли ни при минусовой температуре, считались особой гордостью хозяев.

Садоводы-любители даже что-то вроде соревнований устраивали – высаживали не только традиционные культуры, но и на экзотику замахивались. Летом на крошечных сотках разыгрывались целые битвы за урожай. А маленькая телевизионная компания потом выдавала в новостной эфир сюжеты, расхваливая на все лады умелых огородников, скромно позирующих на фоне виноградника со скрученными в трубочку листьями или гигантских огурцов.

Леся нагнулась, чтобы протереть пыль в дальнем углу тумбочки и охнула от резкой боли – она стрелой пролетела вдоль спины, задела позвоночник и, наконец, врезалась в копчик.

– Ох-ох! – простонала Леся и вдруг выронила тряпку.

Она опустилась на пол прямо рядом с тумбочкой и, закрыв глаза, заплакала. Картинки вчерашнего вечера заполнили каждый нейрон, отвечающий за память. И яркие вспышки забегали перед глазами.

Юра пришёл домой за полночь и был злой.

Леся встретила его и, оперев руки в бока, приготовилась любовно отчитать, но едва первые слова успели слететь с пухленьких подрагивающих улыбкой губ, как она почему-то перестала их слышать. Рот вроде бы открывался, а слов – не было. Точно не было. Только что-то свистящее, шипящие, и почему-то перед глазами оказалась люстра.

Юра сначала отвесил ей увесистую оплеуху, а следом – толкнул. По-мужски, от души.

И её маленький мозг – до этого вмещающий в себя только небольшой опыт поселковой жизни – вдруг раздулся и с треском впустил в себя новую информацию.

Она отлетела к противоположной стене и сильно ударилась спиной. Приземление на пятую точку тоже оказалось достаточно резким.

Муж, спотыкаясь, прошёл рядом и, что-то бурча, рухнул на кровать.

Леся не поняла ничего. Она не пыталась дать определение этой ситуации. Она пока не злилась на мужа, не обзывала его про себя последними словами, она просто сидела на полу и теребила подол своего любимого чёрного, с огромными хаотично раскиданными жёлтыми подсолнухами, сарафана. Когда-то они купили его вместе с Юрой на городском базаре.

Но вдруг на секунду вспыхнуло новое, незнакомое ей чувство, и она крепко стиснула зубы. Чувство вспыхнуло и пропало.

Леся не умела мыслить высокими категориями – у неё всё было просто. Если обычного лексикона не хватало, то вход шли маты. Не крепкие – их Леся стыдилась – а такие, простенькие, и они с лёгкостью рапортовали об её отношении к той или иной ситуации.

Но в момент болезненного падения – или чуть позже? – ей показалось, что она знает намного больше, чем раньше. Как будто кто-то что-то сказал и ушёл, а она не успела разобрать слов, и лишь смутный смысл остался витать где-то в воздухе.

Многим позже, анализируя всё, что с ней произошло, она поняла – и тогда, даже подпрыгнула! – что это интуиция прошептала ей о том, что как раньше теперь никогда не будет.

Наконец Леся поднялась с пола и, пройдя мимо кровати – на которой дрых муж – мельком взглянула на неестественно распластанное тело.

Но что-то в этот момент ей показалось странным. Хотя... Чему тут удивляться, когда тебе только что причинил физическую боль любимый человек.

Уже на кухне, выпив две чашки чая с лимоном, Леся вдруг с ужасом поняла, что так насторожило её в спальне. Она не слышала дыхание Юры, и лежал он как единственная натянутая струна на деке гитары.

То, что он не спал, повергло Лесю в ещё больший шок, чем само его поведение. Ей вдруг захотелось подлететь к нему, шваркнуть по голове кулачком и потребовать объяснений. Она даже подскочила со стула, героически сжимая маленькие ладошки.

Но обессилено упала назад и уронила голову на стол. Она так и сидела, руки словно плети свисали вдоль тела, а голова покоилась на деревянной столешнице, покрытой клеёнчатой скатертью.

«Нужно поменять её...», – пронеслось вдруг в голове у Леси. – «Клеёнка неприятно пахнет старой тряпкой для посуды...».

С этой мыслью она вернулась в реальность. Резко встала, содрала со стола вонючку и понесла её на двор, брезгливо держа на вытянутой руке, словно дохлую мышь. В коридоре пахло закваской и луком. Леся бросила свою ношу и стала озираться по сторонам в поисках источника запаха.

– Совсем забыла лук вытащить, – сказала она сама себе. – Развонялся, зараза. И квас пора сливать.

Что-то мягкое и тёплое пощекотало ногу. Леся опустила голову и увидела Мотьку. Сиамский кот – подарок Юры. Он принёс его маленьким комочком на второй день после свадьбы, и под опекой Леси совсем скоро тот превратился в грозу местных котят и любовником всех поселковых кошек.

– А, это ты! – Леся босой ступнёй осторожно отодвинула его в сторону.

Но кошки так устроены, что если они хотят внимания, то получают его в любом случае. Они совсем не считают всяческие отодвигания посягательством на целостность хозяйской территории.

Мотька не был исключением и, мгновенно среагировав на настроение хозяйки, встал на задние лапы, зацепившись острыми когтями за подол сарафана.

Ноги Леси подкосились, а когда она осела на холодный пол, кот тут же забрался на её колени и, осторожно ластясь, принялся похрипывать.

Леся гладила любимца по дымчатой спине, и крупные прозрачнее капли слёз беззвучно падали на жёсткую шерсть...

3

Условное утро наступило в один момент с дождём. Набежавшие тучи принесли в комнату немного темноты, но тяжёлой, давящей на каждую клеточку. И это давление с размаху обрушилось на Настю, едва она приоткрыла глаза.

Женщина лежала на полу в позе эмбриона. Это была её любимая поза для сна, в другой она просто не могла уснуть.

Рядом стоял всё тот же пузатый стакан, только теперь он был пуст. Видимо, алкоголь помог ей на время отключиться от реальности. Но освобождающее забытие прошло, и боль понемногу начала заполнять тело. Она даже не знала, какая сильнее – душевная или физическая.

Настя обвела глазами комнату и задержалась взглядом на часах, которые, расположившись на прикроватной тумбочке, мирно постукивали секундной стрелкой – 6:15.

«Самое время, ещё успею привести себя в порядок перед работой...», – подумала Настя, но подниматься не стала.

Она всегда не любила сразу соскакать с кровати по утрам. Начиная с детского садика и заканчивая днём, когда с двумя чемоданами ушла во взрослую жизнь – матери приходилось будить её за час до нужного времени. И пока дочка попеременно открывала то один, то другой глаз, пока лениво опускала с кровати сначала одну ногу, а потом – другую, мать успевала раз пять заскочить в спальню и проорать:

– Вставай, ужасное дитя. Всю жизнь проспидь!

Но на крики Настя не реагировала. Медленно освобождалась от приятных оков синтепонового одеяла, ковляла до ванной, где ещё минут двадцать занималась непонятно чем, и наконец вплывала в кухню, где уже было пусто. И этот момент она любила.

Где-то глухо запиликал будильник, и послышалась сонная ругань. Настя снова открыла глаза и нехотя начала подниматься с пола. Тело надрывалось от каждого движения, как растянутая до предела резиновая крышка.

Девушка направилась в коридор и на ходу бросила взгляд в комнату, где на диване развалился мучавшийся похмельем муж. Дима тёр глаза и чертыхался.

Настя зашла в ванну и закрыла дверь на щеколду. Мягкий рассеивающийся свет люминесцентной лампы сейчас неприятно раздражал зрительные рецепторы.

В зеркале её встретила измученная, смутно знакомая женщина с тёмными кругами под глазами и взлохмаченными светлыми волосами. Лицо было слегка припухшим – ни единого намёка на синяк. Настя осмотрела руки – лишь небольшое покраснение чуть выше сгиба локтя на левой руке. Она подняла футболку – живот украшал синюшный отпечаток мужниной ноги.

«Знает, урод, куда бить!», – подумала Настя и усмехнулась.

Ноги тоже покрывали синяки – придётся неделю или две ходить в джинсах.

Настя открыла воду и залезла в ванну. От холодной воды она вздрогнула, но сейчас это было спасением. Чуть ободрив себя искусственным дождиком, Настя покрутила краны и сделала воду теплее. Зафиксировала душевую лейку и от души намылила голову, а затем – и всё тело.

Пока струйки приятно прокалывали тело, и Настя начала немного отходить от мыслей о побоях, как вдруг почувствовала – и это было совсем некстати – прилившее к животу желание...

Настя Каломейцева – в замужестве Холодова – никогда не была ханжой, но к восемнадцати годам всё ещё оставалась нетронутой. Но тогда она мало занималась, верней, совсем не занималась интроспекцией, и свято верила, что секс до брака – это порочно.

Необузданных вспышек желания – возникавших помимо её воли за прочтением какого-нибудь любовного романа или просмотром фильма – она желала и боялась одновременно. А потому, когда впервые ощутила приятный позыв – направив упругую струйку воды между ног – чуть не задохнулась от волнения. Она отбросила лейку душа, и та со звонким стуком ударилась об фаянсовое дно ванны. Но огонёк уже загорелся, и Настя, подняв источник своих новых ощущений, повторила манипуляцию. Через минуту мозг девушки вспыхнул, и по телу разлилась неповторимой мука. Так Настя впервые испытала оргазм.

Она была ошеломлена реакцией своей плоти, но поговорить об этом было не с кем. Ведь Интернет в то время делал только первые робкие шаги в какой-то военной лаборатории США. На все разговоры о сексе в доме Каломейцевых было наложено табу, так что девочке-подростку приходилось запихивать свои переживания в самые укромные уголки сознания и краснеть, если вдруг они заявляли о себе.

Ванная комната стала для Насти священной. Она заходила в неё словно жрица и, спуская к ногам лёгенький халатик и грациозно перекидывая ногу через край ванны, ложилась в любовное ложе в ожидании порочного наслаждения. Этот обряд сохранился и после замужества.

Настя принимала ванну часами, чем злила новоиспечённого мужа до чёртиков. Он смутно догадывался, чем занимается его любимая супруга за закрытой дверью – иногда даже испытывал лёгкое возбуждение от этой мысли – но о предложении принять душ вместе не задумывался...

Настя минут пять интенсивно натирала себя мочалкой. Тело горело, но желание не уходило, и она сдалась. Через минуту ноги подкосились, и Насте пришлось присесть на край ванны, чтобы устоять. Ещё минуты две понадобилось, чтобы придти в себя. Наконец она вышла и, обмотанная махровым полотенцем, прошла на кухню.

Дима уже пил кофе и угрюмо посмотрел на посвежевшую жену.

– Опять с душем трахалась? – нарушил он наконец молчание.

Настя уже налила себе горячего напитка и пила стоя, уткнувшись пятой точкой в столешницу кухонного гарнитура.

– Слушай, Настя, я не понимаю, чего тебе не хватает. Я вроде всё тебе делаю в постели. Но в душе ты стонешь, как будто на съёмках порнофильма.

От неожиданности Настя выплонула назад в бокал только что заглоченный кофе и с нескрываемым ужасом посмотрела на Диму. О чём он говорит, какие стоны – я не издаю ни звука... Или моё сознание до того мутится от ощущений, что я просто не слышу?

Дима поставил стакан на стол, поднялся со стула и подошёл к жене.

– Ты возбудила меня.

С этими словами он так резко повернул её спиной к себе, что полотенце упало их ногам. И намотав на кулак её мокрые волосы, распластал женщину на столешнице.

4

Леся ходила по небольшому магазинчику и выбирала нужные продукты.

Она старалась не смотреть на парня, который уже минут десять сверлил её глазами с противоположного конца зала. Она не знала его.

Он был чужаком в их небольшом посёлке газовиков. Здесь все друг друга знали как облупленных. А этот нахал, видимо, только заехал.

К таким взглядам Леся привыкла. Невысокого роста, с тоненькой талией и обтекаемыми бёдрами, которые плавно переходили в стройные ноги – она часто становилась объектом мальчишеских грёз. Свои длинные каштановые волосы она всегда собирала в конский хвост, демонстрируя высокий лоб, как говорила мама – аристократический. Её лицо было милым, даже красивым, стоило Лесе о чём-то задуматься, но в остальном её мягкие черты до сих пор сохраняли дыхание детства, а огромные болотного цвета глаза с коричневым ободочком вокруг зрачка смотрели на мир наивно и немного заискивающе...

Родители Леси долго не решались на ребёнка. Приехали из Казахстана в конце семидесятых покорять «севера» и долго не могли привыкнуть к холодным вагончикам и общественной бане, продуваемой со всех сторон. Но потом – когда спустя десять лет их в числе других газовиков-ударников перевели в благоустроенные деревянные бараки – было всё-таки решено родить потомство.

Леся появилась как раз в год распада СССР. Родители горевали – ведь теперь им нужно было выбирать: то ли возвращаться в свои степи, то ли до конца дней мёрзнуть среди топей и тайги. Выбрали последнее – в надежде, что все государственные проволочки не повлияют на бюджет семьи.

С годами «Газпром» укреплял свои позиции на рубежах родины, а их маленькое поселение, обслуживающее одну из газокompрессорных станций, стало благоустраиваться.

Леся помнила, как в числе других школьников ходила на открытие сельского клуба, а потом – и культурно-спортивного комплекса с тренажёрным залом и бассейном. В девятом классе она «подрядилась» в местную танцевальную группу и частенько стало выезжать на смотры.

Для юного создания это был праздник. Всё вокруг казалось таким добрым и приветливым. Суматошные приготовления за минуту до выступления, шквал аплодисментов после, и шумное возвращение домой под аккомпанемент гитар и баянов.

Леся не дистанцировалась от всеобщего веселья – она вообще не понимала, что такое возможно. Это был её маленький мир, который с годами приобретал масштабы Вселенной.

В отличие от многих одноклассников, Леся не сбежала после выпускного на «Большую землю», а поступила в районный колледж и через три года вернулась в родное поселение в качестве воспитателя детского сада.

Другой мир Леся видела наскаками. На «Большую землю» их семья выбиралась редко. В те недолгие дни побывок у моря она с удовольствием подставляла своё тело тёплым лучам, часами смотрела в высокое небо – ведь в их краях оно всегда казалось низким и давящим – слушала шум набегающей волны.

Она видела и других людей, слышала их диалоги, но старалась не обобщать свои впечатления с ними. И это неосознанное умение концентрироваться на внутренних ощущениях – не вдаваясь в детали – длительное время прочно защищало её от душевных мук в поисках себя...

Парень по-прежнему следил за Лесей.

Несмотря на показное равнодушие, она успела заметить, что его хорошо сложенная фигура упакована в приличные шмотки. Да и внешность...

Он был невысокого роста, но сташестидесятисантиметровая Леся никогда не задумывалась о подобных вещах. Голубые глаза незнакомца смотрели приветливо и даже нагло. Он был уверен в себе, и это как-то задевало. Леся не была любительницей флирта: с тех пор, как в её жизни появился Юра, она, даже не договариваясь сама собой, разделила весь мужской пол на «мой» и «те». Это был естественный и безболезненный процесс.

Они продолжали бродить по кругу в маленьком пространстве минимаркета...

Леся уже давно накидала в корзинку всё, что запланировала, но почему-то упорно продолжала вспоминать, чего ещё не хватает дома. Наконец заезжий подошёл совсем близко и еле слышно произнёс:

– Если хотите – я подвезу вас домой. Судя по тому, сколько вы набрали – нести всё это будет тяжело.

Леся хотела задохнуться от возмущения – как она это всегда делала! – но вместо этого громко выдохнула:

– Ага...

Уже дома, разбирая пакеты, она удивлённо рассматривала две упаковки соли и силилась понять: зачем разрешила подвезти себя до дома и зачем дала согласие Диме – так он представился – на новую встречу.

Возможно, будь она более начитанной, она бы сумела сравнить себя с теми героинями, чьи душевные принципы пошатнулись после травмирующих событий, но пока для неё всё произошедшее было как под дымовой завесой, скрывающей под собой все мельчайшие процессы психики. Она только вдруг забыла поцеловать возвратившегося с работы мужа и не спросила, как у него дела...

Юра, конечно, попросил утром прощения. Он виновато кружил возле неё, заглядывая в глаза как нашкодивший щенок.

А она изо всех сил взбалтывала в душе осевшее за ночь разочарование, но на поверхность всплывало лишь кислое безразличие. Она сделала ему кофе и бутерброды, разложила по пластиковым контейнерам еду на обед: зимний салат и гречку с подливой. Присела за стол напротив него и даже что-то говорила...

Юра чмокнул её в щёку и вприпрыжку побежал к машине, на ходу сбрасывая с себя остатки вины.

Она убрала со стола и отправилась на работу.

Её подопечных совсем не осталось – все разъехались по отпускам с родителями, и начальница иногда распускала неостребованных воспитателей сразу после обеда.

Маленький бонус провинциальной жизни...

Леся перебросилась парой фраз с коллегами, перебрала все шкафы в своей группе, ровно в три подхватила со спинки стула сумочку и молча самоудалилась.

Она шагала по вымощенной бетонными плитами дороге и смотрела на дома и какие-то деревянные постройки, видимо, оставшиеся после первопроходцев. Она столько раз проходила по этим улицам, но никогда не думала об их истории. Эти здания здесь стояли ещё до её рождения и были чем-то само собой разумеющимся.

В детстве отец рассказывал, что когда-то они часто горели. И едкий запах горелого потом неделями витал в воздухе. Обгоревшие остатки и мусор, конечно, вывозили на свалку, а на месте пепелища возводили новое строение.

Леся гордилась родителями, она хоть и смутно, но понимала, что жившие посреди тайги без каких-либо удобств люди – обмораживающиеся зимой и пожираемые мошкаррой летом! –

совершали поистине подвиг, возводя в глуши махину под названием «Линейно-производственное управление магистральных газопроводов». Леся посещала все собрания в честь празднования «Дня газовика». Отбивала ладошки, хлопая ударникам труда, а потом вместе со своим ансамблем танцевала для них зажигательные танцы. Кружась под звуки музыки, она успевала посмотреть в зал, заглянуть в довольные лица.

Кто-то кого-то окликнул, и Леся остановилась, чтобы посмотреть на здоровающихся мужчин. Неуклюжие ужимки, повороты корпуса и головы, застывшее на губах дежурное выражение вежливости и даже прищур глаз – всё это вспыхивало в Лесином мозгу как секундное прозрение. Она была готова поклясться, что чувствует настроение этих чужих для неё людей.

Леся испытала страх. Нервно дёрнула головой и поспешила прочь. И потом...

Эта встреча с незнакомцем в магазине...

Его коротенькие фразы, брошенные в момент, когда рука поворачивала руль. Вот он выжал сцепление и, переключив передачу, шумно выжал газ, а сам... Смотрит на неё. Вот он небрежно сбросил скорость перед домом, где жила Леся. Потом сел вполоборота и, вытянув правую руку, коснулся спинки её сиденья, начав спрашивать о всякой ерунде.

Леся пристально смотрела на его губы, открывавшиеся при каждом слове, потом – перевела взгляд на глаза и физически ощутила фальшь. Раньше – при таких откровениях – она бы замешкалась, ступевалась, потупилась бы в пол, всем своим видом вызывая жалость, но сейчас она просто продолжала смотреть на водителя.

А тот сказал, что приехал из административного центра по работе.

– Прикомандировали на пару дней. Ты не против завтра увидеться? – прямо с той минуты, как она села в его в машину, он уже был с ней на «ты».

Леся ответила «да» и осторожно выбралась из машины.

Он уехал, а она ещё долго стояла в облаке пыли, которое его машина оставила, резко сорвавшись с места. Она вдруг выросла на целую жизнь...

Леся вымыла после ужина посуду, но не торопилась удаляться с кухни. Достала из газовой плиты все сковородки и стала чистить их железным ёршиком. Когда с ними было покончено – она выворотила нутро кухонного шкафа и принялась драить полки. Она работала до поздней ночи и когда, наконец, добралась до спальни – Юра уже спал.

Леся нырнула под одеяло и повернулась к мужу спиной. Она хотела подумать обо всём, что приключилось ранее, но дневное озарение не возвращалось. Испарилось – как и не бывало.

И Леся принялась себя ругать за глупость. Так было привычней и спокойнее. В конце концов, кто она такая, чтобы брать на себя роль провидицы чужих эмоций.

Леся уснула...

5

Настя томилась от безделья на работе...

Пятый год он держала небольшой магазинчик по продаже косметики, парфюмерии и других дамских безделушек. Вернее, держала даже не она, а – мать, которая решила отойти от дел и официально назначила дочь управляющей. А Настин диплом преподавателя начальных классов так и остался пылиться на антресолях. А когда-то она в буквальном смысле слова сражалась за право его получить...

Её семья переехала в этот маленький северный городок, когда ей уже стукнуло пятнадцать. Отец получил назначение в одно из подразделений «ТрансГазЮгорска», что сулило не только стабильность, но и возможность прилично откладывать на чёрный день.

Настя, пропитанная парами пусть не мегаполиса, но всё-таки «Большой земли», долго не могла свыкнуться с мыслью, что теперь эта «ж... па мира» – её дом. Она спала и видела во сне, как сбегает отсюда, едва прозвучит последний звонок, и не замечала, что у мамы другие виды на будущее дочери.

Родители оберегали единственное чадо от любых встрясок. Конечно, правильной будет сказать, что оберегали они в первую очередь себя, но разве в таком можно добровольно признаться? Они старательно изображали образцовый брак, что, кстати, не мешало им время от времени устраивать шумные скандалы: до рукоприкладства, правда, дело не доходило, но вполне хватало и истеричных маминых криков, вещавших о полной деградации мужа.

Настя в такие моменты почему-то веселилась, нет, не потому что злорадствовала – просто ей казалось, что именно сейчас она может рассмотреть своих «предков» без прикрас. Так сказать, прощупать момент истины. Потом она испытывала острый приступ вины и иногда подходила к матери, даже пыталась её обнять, выразить сочувствие, что ли, но та резко уклонялась от дочуркиных лобызаний и, как-то странно посмотрев на неё, замечала, что всё, что она только что видела – не более чем игра.

«Ничего себе игра!», – думала Настя и, пожав плечами, уходила в свою комнату.

О том, чтобы обсудить эту ситуацию с отцом – не могло быть и речи. Нет, Настя не боялась его, просто с малых лет усвоила: отца выводить на сантименты бесполезно, что для него прилюдное обнажение чувств – сильнее смерти, а если по-простому: слабость, которая недопустима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.